

Русистика и компаративистика. 2023. Вып. XVII. С. 210–220
Russian Philology and Comparative Studies. 2023. (XVII): 210–220

Научная статья

УДК 821.161.1.09 «18»

DOI: 10.25688/2619-0656.2023.11.13

**МИФООБРАЗ
«ХРУСТАЛЬНОГО ПОТЕРЯННОГО РАЯ»
В. МАЯКОВСКОГО
В КОМПАРАТИВНОМ КОНТЕКСТЕ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА**

Гульчира Талгатовна Гарипова

Московский городской педагогический университет, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия, ggaripova2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7675-2570>

Аннотация. В статье анализируются ключевые концепты образа «потерянный рай» в творчестве В. Маяковского, соотносимые с армянскими кодами. Именно компаративное соотнесение авторских трансперсональных мифообразов и позволяет высветить особенности концепции Маяковского. Автор статьи исследует библейскую составляющую поэтического «хрустального потерянного рая» Маяковского в контексте русской литературы XX века, референциально фиксирующей те же самые экзистенциальные коды памяти, которые встраиваются в общую мифопоэтическую картину. На материале произведений О. Мандельштама, А. Битова, Сухбата Афлатуни прослеживаются «хрустальные» и «глиняные» коннотации образа «потерянный рай», конгениальные концепции Маяковского и составляющие основу армянской традиции как библейской. Именно поэтому хронотопическое пространство мира поэт маркирует библейскими локусами. Подчеркивается, что для поэзии Маяковского характерно понимание Армении не как онтологического, но как экзистенциального пространства «внутренней Армении» – своей, но не чужой. Особый акцент делается на анализе смысловых составляющих мифологемы «гора Арарат», концептуально связанных с концептами Ноева ковчега.

Ключевые слова: библейский народ, внутренняя Армения, Арарат, потерянный рай, ковчег, хрусталик Араратика, армянский текст, метаконцепт *Слово*, В. Маяковский, О. Мандельштам, А. Битов, Сухбат Афлатуни.

Для цитирования: Гарипова Г.Т. Мифообраз «хрустального потерянного рая» В. Маяковского в компаративном контексте русской литера-

туры XX века // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев; отв. ред. И.Н. Райкова. Вып. XVII. М.: ИКД «Зерцало-М», 2023. С. 210–220. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.13>

Original article

THE MYTH OF THE “CRYSTAL PARADISE LOST” BY V. MAYAKOVSKY IN THE CONTEXT OF RUSSIAN LITERATURE OF THE 20TH CENTURY

Gulchira T. Garipova

Moscow City University; Kosygin Russian State University, Moscow, Russia,
ggaripova2017@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7675-2570>

Abstract. The article analyzes the key concepts of the image of “paradise lost” in the works of V. Mayakovsky, correlated with the Armenian codes. The author explores the biblical component of Mayakovsky’s poetic “crystal paradise lost” in the context of Russian literature of the twentieth century, referentially fixing the same existential memory codes that are embedded in the general mythopoetic picture. The “crystal” and “clay” connotations of the “paradise lost” image, which forms the basis of the Armenian tradition as a biblical one, can be traced on the material of the works of O. Mandelstam, A. Bitov, Sukhbat Aflatuni. The poet marks the chronotopic space of the world with biblical loci. Mayakovsky’s poetry is characterized by understanding Armenia not as an ontological, but as an existential space of “inner Armenia” – one’s own, but not someone else’s. The author places special emphasis on the analysis of the semantic components of the mythologeme “Mount Ararat”, conceptually related to the concepts of Noah’s Ark.

Keywords: biblical people, inner Armenia, Ararat, paradise lost, ark, lens of Ararat, Armenian text, metaconcept *Word*, V. Mayakovsky, O. Mandelstam, A. Bitov, Sukhbat Aflatuni.

For citation: Garipova G.T. (2023). The myth of the “crystal paradise lost” by V. Mayakovsky in the context of russian literature of the 20th century. In: *Russian Philology and Comparative Studies: collection of research papers*. Chief editor S.A. Vasil’ev; publishing editor I.N. Raikova. Vol. XVII. Moscow: Zertsalo-M. Pp. 210–220 (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2023.11.13>

© Гарипова Г.Т., 2023

Введение. «Армяне называют себя библейским народом, – пишет Ваграм Мартиросян. – Это звучит восхитительно. Настолько восхити-

тельно, что нам не хочется переноситься в новые времена. Видимо, поэтому мы больше говорим о прошлом, чем о настоящем и будущем. Александр Дюма, посетивший Кавказ полтора века назад, отмечал, что для армян ветхозаветный Абрам скончался вчера, а Яков все еще жив» [Мартirosян 2014: 110].

Рецептивное перепрочтение Армении не как онтологического, но как экзистенциального пространства характерно для поэзии В. Маяковского, конципирующего мифологические коннотации армянского текста. Поэт уловил образ и «внутренней Армении» — тот, что естественен, открыт для *своих*, но скрыт для *чужих*. В этом межпространстве *своих* и *чужих* Армения Маяковского становится образом-медиатором между национальным миром и русской литературой XX века, в которой армянский текст представлен в системе интертекстуальных и рецептивных контекстов.

Современные теоретики всё чаще заявляют о расширении границ методологии сравнительного литературоведения, о возможностях включения в его категориальный аппарат методик рецептивного и интертекстуального анализа. Мы уже ранее концептуализировали вопросы идентификации компаративного *приращения*, осуществляемого за счет равноценного анализа *претекста*, *текста* и его *контекста* (интертекстуального и рецептивного), как метода сравнительного литературоведения. Это позволяет сравнивать одновременно в рамках различных «межнациональных общностей» (разноязыковых явлений) и/или в рамках одной национальной литературы (явлений одной языковой системы) художественные явления единого общего типологического ряда (проблемного, образно-метафорического, идейно-тематического) [Гарипова 2022: 3].

Это своего рода современное развитие концепции словацкого компаративиста Д. Дюришина, констатировавшего вхождение в систему сравнительного литературоведения категории «национальная литература». По мнению Ю. Лотмана, ученый уравнивал два принципа: «После того, как Д. Дюришин показал, что между взаимодействием различных текстов внутри национальной литературы и текстами разных литератур, с точки зрения механизма контакта, существенной разницы нет, значимость этих положений с точки зрения компаративистики сделалась очевидной» [Лотман 1992: 111].

Метод исследования. Особое значение приобретает аналитика неких общих (чаще всего мифологически означенных) претекстов в творчестве писателей одной национальной литературной системы, соотносимой с претекстами другой, входящими на уровне общего проблемного концентра. Подобное сравнительное исследование на базе методов, способных уловить диалектику общего и особенного в мировом литературном процессе, на разных его этапах и уровнях, мы и реализуем в представленной статье, определив в качестве общего претекста мифологемы армянской

культуры. В предыдущих исследованиях мы отмечали, что важно идентифицировать не только методологию сравнительного анализа художественных явлений из различных систем «межлитературных общностей» (в первую очередь разноязыковых), но и выделить частные методы системного и сравнительного анализа, позволяющие проводить компаративные исследования в рамках одной национальной литературы (в нашем случае – русской), и более того – в одном текстуальном пространстве на уровне интертекстуальной и рецептивной семиотики инонациональных культурных кодов [Гарипова 2019: 470].

Методология рецептивного анализа генетического кода в системе «межлитературных» (и даже шире – «межкультурных») коммуникаций позволяет также определить, помимо интертекстуальных смыслов рецепции, и методологические историко-литературные, герменевтические, интегральные, комплексные и другие исследовательские филологические стратегии нового смыслопорождения посредством разрушения претекста/праобраза.

Основная часть

В. Маяковский как медиатор между армянской мифологией и русской литературой XX века. Любовь к Армении Маяковского, поэта грядущего мира, будущего нового человека, наверное, объясняется пониманием особой укорененности армянского человека, народа, страны. Поэт в своих футуристических устремлениях находит в Армении тот самый «потерянный рай» культуры, который дает человеку ощущение сохранности сакральных смыслов и первооснов мира. И это не случайно, ибо, по мнению литературоведов, «человек – существо социальное, он “запрограммирован” традицией» [Шафранская 2008: 38].

В армянском Ванадзоре (тогда это был Каракилис) познакомились и поженились родители Маяковской. Более того, отец поэта, родившийся в Ахлцихе и выросший в армянской среде, не только говорил на этом языке, но и пел народные песни. Детский «потерянный рай» Маяковского зафиксирован в звуках армянского языка. По мнению А. Битова, *особого* языка, звучащего на уровне не фонетическом и семантическом, а образном. Одним из культурных кодов армянского «потерянного рая» для Маяковского становится гора Арарат. В пьесе «Мистерия-буфф» именно к ней стремятся герои, осознающие ее как символ земли обетованной:

Перебьемся как-нибудь, доползем до Арарата [Маяковский 1956: 189].

И никто никогда не доползет до Арарата [Там же: 200].

Теперь об одном осталось ратовать, чтоб сила не иссякла до места Араратова [Там же: 206].

Антихрист речь повёл нам об Арарате и рае [Там же: 208].

Поэт обозначает хронотопическое пространство мира библейскими локусами: I. Вся вселенная. II. Ковчег. III. 1-я картина: Ад. 2-я картина:

Рай. 3-я картина: Земля обетованная [Там же: 168]. При этом он подчеркивает их гносеологическую соотнесенность с «мировыми книгами», в которых не только сокрыта архетипическая мудрость мира, но и спасительная провиденция будущего:

Нам написали Евангелие,
 Коран,
 «Потерянный и возвращенный рай»,
 и ещё,
 и ещё —
 многое множество книжек [Там же: 169].

Но именно Арарат обозначен как единственно возможное место спасения. Очень важно, что гора, являющаяся главным национальным священным символом армянского народа, изображена рядом с Ноевым ковчегом на гербе Армении, но в современный период она находится за ее пределами. По мнению европейцев, Ноев ковчег должен был пристать именно к горе Арарат. Не случайно для Маяковского эйдетически Арарат сопоставим с образом мифической библейской горы, семиотически соотносящейся с мифологемой «место всех начал» и семантически коррелирующей с символикой горы Синай (иврит: הַר סִינַי, *Хар Синай*), на которой Моисей, согласно Книге Исход в еврейской Библии, или Танахе, получает от Господа десять заповедей. Интересно, что гора Синах (в книге Второзакония именуемая как гора Хорив) и есть самое главное священное место не только в иудаизме, но и в христианстве, и в исламе. Не эта ли гора Синай и обозначена как Арарат в пьесе Маяковского? Тогда возможны дополнительные смысловые значения: Арарат символизирует не только личный «потерянный рай», к возвращению которого стремится поэт, но и те самые «места действия» (*ковчег, земля обетованная и рай*), с которых начинается история осмысленного мира и нового человеческого рода, получившего заповеди:

Слушайте!
 Новая
 нагорная
 проповедь!
 Араратов ждете?
 Араратов нету.
 Никаких.
 Приснились во сне.
 А если
 гора не идёт к Магомету,

то и чёрт с ней!
Не о рае Христовом ору я вам,
где постнички лижут чай без сахару.
Я о настоящих
земных небесах ору [Маяковский 1956: 211].

Использование Маяковским «хрустальных» коннотаций в характеристике Арарата («хрусталик Араратика») в поэме «Пятый Интернационал» усиливает мифосемантику горы не просто как мирового священного места для трех авраамических религий, но и как места сотворения мира. Вполне вероятно референциальное соотнесение хрустального Арарата и каббалистических откровений о кристаллах как о божественных камнях, связанных с возникновением и устройством мира, о сакральной сущности Бога, об Израиле как земной модели божественной иерархии — «оттуда пастырь, камень Израиля»: «Имя Яков можно разделить на две части: *буква “юд” — камень*, на котором строится будущий мир, и слово “пята” — уязвимое мягкое место» [Саверский].

Маяковский использует не просто кристаллические коннотации Арарата в «Пятом Интернационале», а акцентирует антропософскую оптику «гора, смотрящая в небо» — «хрусталик Араратика». Случайно ли это? Одно из очевидных значений «богоподобность» армян — народа, приближенного к божественному откровению, к небу. Но, на наш взгляд, очевидны и каббалистические референции. Опираясь на тексты Каббалы, толкователь А. Саверский считает, что «в первую очередь в Каббале довольно отчетливо *описание хрустального черепа* — главной Белой головы — одного из прототипов, кстати, Ветхого денми, т. е. старого Иисуса, Бога, изображаемого с белыми волосами и бородой, и в то же время очень похожего на известные сегодня хрустальные черепа Майя. <...> ... “твердь небесная”, по преданию иудеев, равно как и персов, была из горного хрусталя. Также очевидно описание технологии, связанной с хрустальным черепом и другими камнями. <...> Сложная и не очень понятная технология: с одной стороны, налицо описание системы мира, основанной на хрустальной тверди. И какую интересную роль здесь играет ковчег — это несветящееся отражающее зеркало» [Саверский].

Так, Арарат как воплощение прамира не только армянского народа, но и человечества, усиливает миромоделирующее значение армянского текста. Интересно, что для Андрея Битова, как и для Маяковского, *вначале было слово*, и прамир, сотворенный этим словом, был Армения: «Армяне сохранили алфавит неизменным на протяжении полутора тысяч лет. В нем древность, история, крепость и дух нации. До сих пор рукописная буква не расходится у них с печатным знаком, и даже в книгах, в типографском шрифте существует наклон руки писца. Рукопись пе-

реходит в книгу, почти не претерпевая графических метаморфоз» [Битов 1996: 18].

Рецептивное прочтение миромоделирующей мифологемы «буква-текст-мир» в компаративном контексте. Битовская Армения — мир как текст — моделируется по принципам библейским словом и состоит из звуков, букв, слов армянского языка. Сакрализация экзистенциального пространства писателя через «внутреннее бытие» Армении осуществляется через ее культурные коды, связанные с некими константами национального мироощущения. Ваграм Мартиросян центрирует вокруг армянского языка несколько важных концептов, обозначенных им как предметы «законной гордости» [Мартиросян 2014: 115] — библейский народ, империя, крестовосхождение, диаспора, древний язык, крест-камни. И это концепты исторической памяти, сохраняя которую великий народ, по Битову, преподносит уроки человеку иной культуры.

Иеротопическая модель «армянского текста» в инспирации битовских «уроков» строится посредством *слова*, которое реализует свою миромоделирующую функцию через культурные коды каждой буквы: «Ереван — моя азбука, мой букварь, мой каменный словарик-разговорник. Слева — по-армянски, справа — по-русски. Только слова в беспорядке. Рядом с А — автоматом — Ш — шашлычная. А Б — базар — совсем на другой улице, через несколько страниц.

Я шуршу страницами кварталов, улиц и площадей в поисках Р — редакции, Д — друга, Ж — жилья и П — просто так. Это мой русско-армянский словарь.

Но если бы я знал армянский и мог пользоваться Ереваном как армяно-русским словарем, порядка, конечно, было бы не больше» [Битов 1996: 18].

Буква перестает быть просто алфавитным знаком, утрачивая формальную эмблематику звука, она становится образно-лингвистическим «аналогом упорядоченного, целостного бытия» (В. Хализев), фиксирующего в смысловых онимах литеры ценностно-национальные координаты армянского мира. Буква — не элемент слова, буква есть элемент национального мира. В этом плане особое значение имеет поэзия О. Мандельштама. «Слово» (*блаженное, бессмысленное слово*) как метаконцепт присутствует в лирике поэта в различных коннотациях. Но его миромоделирующая функция несомненна. Достаточно вспомнить строчки стихотворений:

Я слово позабыл, что я хотел сказать.

Слепая ласточка в чертог теней вернется

На крыльях срезанных, с прозрачными играть.

В беспомыслии ночная песнь поется [Мандельштам 2009: 137].

или

О, глиняная жизнь! О, умиранье века!
Боюсь, лишь тот поймет тебя,
В ком беспомощная улыбка человека,
Который потерял себя.
Какая боль — искать потерянное слово... [Там же: 110].

«Колочая речь араратской долины» для Осипа Мандельштама также есть способ сакрализации «внутреннего бытия», культурный код армянского народа, для которого «Любовь к родине состоит из дорогих и сладких ушам слов» [Мартirosян 2014: 115].

Интересно, что лексема «глиняный» встречается в стихотворении Мандельштама «1 января 1924» три раза и входит в его семантическое ядро. Среди многих значений глины — *семантических* (бренность бытия, хрупкость, греховность жизни человека); *символических* (знак века-времени через метафорику статуи Кроноса, библейский знак связи человека и Бога — «мы глина, а Ты, образователь наш» (Иов.64:8) и т.д.) — важна и соотносительность в ряде этнических традиций, в том числе и армянской, глины с древними ценностно-национальными координатами бытия. Например, в повести-притче «Глиняные буквы, плывущие яблоки» Афлатуни глиняные буквы-образы обеспечивают «мироприемлющее начало» узбекского (шире — восточного) национального мироздания, которое определяется «уважительно-бережным отношением к живым человеческим душам, к тем феноменам национального бытия, которые обладают неоспоримой ценностью...» [Хализов 2005: 7]. Мы уже отмечали, что в историко-литературном компаративном контексте важно учитывать два основания для различения культурных общностей-типов — ментальную специфику (например, восточная и/или западная) и эпохальную культурно-историческую [Гарипова 2022: 32].

Выводы. Отмеченная исследователями [Большухин 2022: 2] онтологическая первооснова «незавершенности» лирического героя Маяковского коренится в сложных инверсивных соотношениях в его сознании уровней «другой» и «чужой», именно «отсюда настойчивый и безнадежный поиск лирическим героем раннего Маяковского высшей инстанции, но такой по определению нет места в его мире — ввиду того, что место Бога занимает творческое Я» [Большухин 2022: 55].

Экзистенциальные и онтологические истоки этой незавершенности — в том самом хрустальном «потерянном рае», который зашифрован в армянских кодах творчества Маяковского и контекстуально прочитывается в русской литературе XX века в целом. Образы «хрусталика Араратика» как знака устремления человека к «своей» горе, к Богу, к традиции у Маяковского, глиняных букв как элементов сакрального национального алфавита у Сухбата Афлатуни, «глиняного прекрасного рта» как общего

знака эпохи *молчания*, символика глиняной статуи Кроноса или Голема как знака века-волкодава у Мандельштама фиксируют в себе экзистенциальные коды национальной памяти, которые, как отмечает Э.Ф. Шафранская, встраиваются в единую «мифовую парадигму человечества» [Шафранская 2002: 36–41].

Источники

Битов А. Уроки Армении // Империя в четырех измерениях. III. Кавказский пленник. Харьков: Фолио; Москва: АСТ, 1996. 335 с.

Мандельштам О.Э. Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. Т. 1. 808 с.

Маяковский В. Полн. собр. соч. М.: Худож. лит., 1956. Т. 2. 520 с.

Литература

Большухин Л.Ю., Александрова М.А. Лирический герой Маяковского: феномен «незавершенности». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 239 с.

Гарипова Г.Т. Феномен интегрального мышления и построение новационных методик литературоведческого исследования в современной научной парадигме // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 5. С. 467–474.

Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Сравнительное литературоведение. Современные тенденции русской литературной компаративистики. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. 125 с.

Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Сравнительное литературоведение: Методология и практика изучения русской литературы в системе компаративного анализа. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2022. 107 с.

Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. 479 с.

Мартirosян В. Это сладкое слово – Армения. Размышления писателя по поводу национальной идентичности // Народы перед зеркалом: Эссе, статьи, очерки. М.: Редакция журнала «Дружба народов»; Культурная революция, 2014. С. 110–118.

Саверский А.В. Хрустальный Христос и древняя цивилизация. Кн. I. URL: <https://history.wikireading.ru/363312> (дата обращения: 22.06.2023).

Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 429 с.

Шафранская Э.Ф. Роман Т. Толстой «Кысь» глазами учителя и ученика: мифологическая концепция романа // Русская словесность. 2002. № 1. С. 36–41.

Шафранская Э.Ф. Роман А. Иличевского «Матисс» // Русская словесность. 2008. № 4. С. 38–40.

References

Istochniki

Bitov A. (1996). *Uroki Armenii* [Lessons from Armenia]. In: *Imperija v chetyreh izmerenijah. III. Kavkazskij plennik*. [Empire in four dimensions. III. The Caucasian prisoner]. Har'kov: Folio; Moscow: ACT. 335 p. (In Russ.)

Mandel'shtam O. Je. (2009). *Poln. sobr. soch. i pisem: V 3 t.* [Complete collection of works and letters: In 3 vols.]. Moscow: Progress-Plejada. Vol. 1. 808 p. (In Russ.)

Majakovskij V. (1956). *Poln. sobr. soch.* [Complete collection of works]. Moscow: Hudozh. lit. Vol. 2. 520 p. (In Russ.)

Literatura

Bol'shuhin L. Ju., Aleksandrova M. A. (2022). *Liricheskij geroj Majakovskogo: fenomen "nezavershennosti"* [Mayakovsky's Lyrical hero: the phenomenon of "incompleteness"]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki. 239 p. (In Russ.)

Garipova G. T. (2019). *Fenomen integral'nogo myshlenija i postroenie novacionnyh metodik literaturovedcheskogo issledovanija v sovremennoj nauchnoj paradigme* [The phenomenon of integral thinking and the construction of innovative methods of literary research in the modern scientific paradigm]. In: *Bjulleten' nauki i praktiki* [Bulletin of Science and Practice]. Vol. 5. № 5. Pp. 467–474. (In Russ.)

Garipova G. T., Shafranskaja Je. F. (2022). *Sravnitel'noe literaturovedenie. Sovremennye tendencii russkoj literaturnoj komparativistiki* [Comparative literature studies. Modern trends in Russian comparative literature]. Vladimir: Izd-vo VIGU. 125 p. (In Russ.)

Garipova G. T., Shafranskaja Je. F. (2022). *Sravnitel'noe literaturovedenie: Metodologija i praktika izuchenija russkoj literatury v sisteme komparativnogo analiza* [Comparative Literature: Methodology and practice of studying Russian literature in the system of comparative analysis]. Vladimir: Izd-vo VIGU. 107 p. (In Russ.)

Lotman Ju. M. (1992). *K postroeniju teorii vzaimodejstvija kul'tur (semioticheskij aspekt)* [Towards the construction of a theory of cultural interaction (semiotic aspect)]. In: Lotman Ju. M. *Izbrannye stat'i. V 3 t.* [Selected articles. In 3 vols.]. Vol. 1. Tallin: Aleksandra. 479.

Martirosjan V. (2014). *Jeto sladkoe slovo – Armenija. Razmyshlenija pisatelja po povodu nacional'noj identichnosti* [This sweet word is Armenia.

The writer's reflections on national identity]. In: *Narody pered zerkalom: Jesse, stat'i, ocherki* [Peoples in front of the mirror: Essays, articles, essays]. Moscow: Redakcija zhurnala "Druzhiba narodov"; Kul'turnaja revoljucija. P. 110–118. (In Russ.)

Saverskij A.V. *Hrustal'nyj Hristos i drevnjaja civilizacija. Kniga I.* [The Crystal Christ and the ancient civilization. Book I]. URL: <https://history.wikireading.ru/363312> (data obrashhenija: 22.06.2023). (In Russ.)

Halizev V.E. (2005). *Cennostnye orientacii rusской klassiki* [Value orientations of Russian classics]. Moscow: Gnozis. 429 p. (In Russ.)

Shafranskaja Je.F. (2002). *Roman T. Tolstoj "Kys" glazami uchitelja i uchenika: mifologicheskaja koncepcija romana* [T. Tolstoy's novel "Kys" through the eyes of a teacher and a student: the mythological concept of the novel]. In: *Russkaja slovesnost'* [Russian literature]. № 1. Pp. 36–41. (In Russ.)

Shafranskaja Je.F. (2008). *Roman A. Il'ichevskogo "Matiss"* [The novel by A. Il'ichevsky "Matisse"]. In: *Russkaja slovesnost'* [Russian literature]. № 4. Pp. 38–40. (In Russ.)

Сведения об авторе

Гарипова Гульчира Талгатовна – доктор филологических наук, доцент; Московский городской педагогический университет; Институт гуманитарных наук; департамент филологии; профессор; Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина; кафедра филологии и лингвокультурологии; профессор; научные интересы: история современной русской литературы, интегральное литературоведение, компаративистика, мифопоэтика.

Information about the author

Gulchira T. Garipova – Doctor of Philology, Associate Professor; Moscow City University; Institute of Humanities; Department of Philology; Professor; Kosygin Russian State University; Department of Philology and Linguoculturology; Professor; scientific interests: history of modern Russian literature, integral literary studies, comparative studies, mythopoetics.

Научная статья

УДК 82-3

DOI 10.25688/2619-0656.2023.11.14

ОСВОЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА В ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX ВЕКА

Ольга Вадимовна Гаврилина

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия,
gavrilinaolga@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0605-8740>

Аннотация. Исследования женской литературы конца XX века по-прежнему остаются в кругу актуальных для изучения вопросов. Целью настоящей статьи является описание пространства в произведениях, созданных женщинами, и выявление связанных с ним образов, деталей, идей. Для реализации поставленной цели мы, следуя за Г.Д. Гачевым, обращаемся к концепции «модели мира», которая объединяет пространственные, психологические и ментальные категории. Мы приходим к выводу, что пространство в женской литературе делится на закрытое (дом), которое традиционно соотносят с женщинами, и открытое (сад, лес, поле и проч.), которое женщина постепенно осваивает. Выход за пределы дома становится метафорой освобождения женщины, обретения ею внутренней силы. Понятие «свой» дом часто соотносится с домом бабушки (этот дом уютен, хранит историю семьи), а «чужой» дом – это комната общежития, в котором женщина вынуждена жить с другими (это пространство неуютно, оно отражает неустроенность жизни героини). Открытое пространство постепенно расширяется, каждый локус (балкон, сад, город, лес, поле или степь) связан с различными деталями. Так, на балконе может появляться виноградная лоза, символизирующая мужской опыт; в саду – яблони, плоды которых несут в себе смысл, отличный от библейского, – они воплощают телесный опыт героини. Лес обычно находится в стороне, героиня не входит в него. Намного более значимыми становятся образы степи или поля, которые соотносятся с различными гранями женского характера. Полученные в результате исследования выводы помогают расширить представления о специфике модели мира в женской литературе и могут быть использованы в дальнейшем при исследовании женской литературы.